

08:00

Тест на коронавирус. Как пандемия помогает понять устройство политических режимов

2 20

Если демократические режимы вводят временное чрезвычайное положение, то тяготеющие к единоличному правлению гибридные режимы пытаются применять чрезвычайные меры, изменяя постоянные правила жизни.

0

2

Владимир Коршаков

Follow

Дональд Трамп подписывает Закон, призванный отреагировать на экономические последствия пандемии. Фото: Shealah Craighead / White House / flickr.com
«Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении».

Этими словами открывается одна из главных книг XX века по политической теории – «Понятие политического» Карла Шмитта. За этим утверждением стоит вполне ясная логика: кто имеет власть прервать нормальное течение дел, создать исключение из обычного порядка, тот и является сувереном, настоящей верховной властью. Суверен способен на такое действие, поскольку наделен легитимностью – его действия признаются гражданами/подданными как справедливые и правомерные.

Таким образом, способность к введению (и прекращению) чрезвычайного положения характеризует качество политической системы и показывает, кто в этой системе является сувереном.

Политическим философам редко удается проверить точность своих построений экспериментально: проверка теорий политики связана с драматическими, а нередко и с откровенно трагическими событиями. К счастью, драматические события, которые затрагивают несколько стран одновременно и тем самым предоставляют возможность для сравнительного анализа, исключительно редки. К несчастью, наше поколение стало свидетелем такого события: глобальной эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Чтобы понять, почему введение чрезвычайного положения (не в узко юридическом, а в более широком смысле) и способы его реализации несут важную информацию о природе конкретного политического режима, сначала разберемся с появлением чрезвычайного положения как феномена общественной жизни.

Кто и зачем придумал чрезвычайное положение?

Чрезвычайное положение – это правовой режим, при котором права и свободы граждан временно ограничиваются для того, чтобы защитить их жизнь или устройство государства. Из этого определения понятно, что чрезвычайное положение может существовать только тогда, когда есть положение нормальное, в котором существуют права и свободы. Восточная деспотия или древнегреческая тирания не нуждались в концепции временного чрезвычайного положения, поскольку воля единоличного правителя служила их основным законом в любое время. Для деспотического правления любое положение – одновременно и нормальное, и чрезвычайное.

В тех древнегреческих полисах, где развивалось демократическое устройство, четкого представления о чрезвычайном положении не сложилось. Впервые в истории западной цивилизации доктрина чрезвычайного положения появляется в Римской республике V – III веков до нашей эры. Во время особенно тяжелых испытаний (войн, беспорядков) консулы, высшие должностные лица республики, по поручению сената назначали особое должностное лицо – диктатора или *magister populi*, который получал практически неограниченную власть. Диктатор мог единолично судить и приговаривать к смертной казни любое должностное лицо республики за исключением народных

трибунов, он возглавлял вооруженные силы и не был обязан отчитываться в расходовании денежных средств. Его полномочия напоминали власть древних царей Рима с одним лишь исключением – они длились всего 6 месяцев. Этот срок рассматривался как достаточный, чтобы преодолеть кризис, в котором оказалась республика.

Изобретение римских юристов оказалось востребованным в Европе Нового времени, а позже и по всему миру. Механизмы введения чрезвычайного положения вписаны в основные законы даже тех стран, где власть правителя фактически является неограниченной.

Поначалу эпидемия COVID-19 не выглядела настолько серьезной проблемой, как сейчас: мир уже сталкивался со свиным гриппом и атипичной пневмонией, которые удалось успешно остановить, да и в целом, заболевание, похожее на обычный грипп, провоцировало пренебрежительное отношение. Но уже те небольшие (и, как показало время, недостаточные) меры по борьбе с эпидемией, которые предприняло правительство Италии в конце января – прекращение авиасообщения с Китаем и выделение медикам дополнительной скромной суммы в 5 миллионов евро – потребовали введения чрезвычайного положения.

В этом суть чрезвычайного положения в демократии – правительство избрано народом, чтобы осуществлять правление в рамках закона; источником же суверенитета является народ, который вручает правительству право осуществлять этот суверенитет от своего имени. Когда правительство, защищая жизнь и здоровье граждан, действует как суверен, отступая от закона обычного времени, оно все же действует законно, провозглашая особый временный порядок, объясняя причину его появления и указывая срок окончания этого порядка. И если граждане страны имеют право летать в Китай, то заморозка даже одного отдельного права требует от правительства публичного заявления об этом.

Это еще одна важная особенность режима чрезвычайного положения – он вынуждает политиков брать на себя ответственность, будь то французский президент, заявляющий по национальному телевидению: «Мы на войне» или американский, подписывающий указ о чрезвычайном положении с торжественно-архаичной формулой: «В год Господа нашего две тысячи двадцатый и независимости Соединенных Штатов Америки двести сорок четвертый».

Таковыми словами не бросаются попусту, в противном случае политик окажется посмешищем. Произнося их, национальный лидер ручается своим авторитетом, что происходящее действительно серьезно, и иного способа урегулировать ситуацию нет.

Заложники стабильности

В России чрезвычайного положения официально не вводилось: вместо карантина была объявлена «нерабочая неделя» плавно превратившаяся

в нерабочий месяц. Это логичное продолжение «режима информационного благоприствования», царящего в российских медиа: взрыв превращается в «хлопок», наводнение с человеческими жертвами в «подтопление», снижение в «отрицательный рост». Когда основной целью государства становится «стабильность», объявить чрезвычайное положение невозможно: граждане России сейчас заложники стабильности.

Чрезвычайное положение как факт в России создано: в стране полностью закрыты границы, прекратила работу значительная часть бизнеса в секторе услуг, в ряде регионов введены жесткие ограничения на передвижение граждан, а некоторые регионы закрыли свои границы, и речь не только о Кавказе. Не нужно быть юристом, чтобы понимать, что эти действия ограничивают права граждан на свободу передвижения, свободу собраний и – есть и такая статья в Конституции РФ – на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

При этом чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации как юридического феномена в стране нет: продолжается одна тянущаяся бесконечная стабильность без правовой основы. Справочная система «Консультант Плюс» вместе с указами и постановлениями вносит в базу правовых документов обращение президента и пресс-релиз правительства Москвы, чтобы хоть как-то сориентировать клиентов. Последний текст построен по схеме «вопрос – ответ», словно катехизис: «Имею ли я право выходить бегать при условии, что я не контактирую с другими людьми, стараюсь их оббегать, соблюдая дистанцию не менее двух метров? А вокруг дома просто бегать одному можно? Нет, не имеете – для того чтобы предотвратить распространение коронавирусной инфекции, сейчас необходимо соблюдать режим самоизоляции». Кажется, при подготовке поправок в конституцию стоило дополнить пункт 3 статьи 55 («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом») словами «и пресс-релизом мэрии Москвы». Московские суды, кажется, уже начали выносить решения на основе этого пресс-релиза: другого основания штрафовать москвичей, находящихся дальше 100 метров от своего дома, просто нет.

Нельзя сказать, что российские власти не реагируют на проблему коронавирусной инфекции: действия правительства отчасти схожи с действиями стран Евросоюза и, вероятно, до какой-то степени помогут борьбе с пандемией. Но отсутствие четкой декларации о том, что создавшееся положение является чрезвычайным, порождает крайне серьезную проблему.

Не признавая, что нынешнее положение дел является чрезвычайным, то есть временным, государство меняет обычный порядок жизни граждан не временно, а навсегда, стирая границу между «нормальным» и «чрезвычайным». В этом нет ничего нового: по той же модели в далеком уже 2005 году после теракта в Беслане были отменены выборы губернаторов. Трагические события, разумеется, требовали ответа государства, которое вместо принятия на себя временных

дополнительных полномочий предпочло изменить обычный порядок жизни. Точно так же сейчас в спешном порядке изменяется законодательство из-за коронавируса: так, «нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека» теперь закреплено в Уголовном кодексе и предусматривает наказание до семи лет лишения свободы. При этом в УК уже содержится норма, предусматривающая наказание за причинение смерти по неосторожности – до четырех лет лишения свободы.

Аналогично на постоянной основе ужесточены законы о наказании за «публичное распространение заведомо ложной информации» – формулировка очевидно размытая, провоцирующая избирательное правоприменение, и она останется с нами, когда пандемия закончится. Отказываясь декларировать временное чрезвычайное положение, государство создает для нас чрезвычайное положение навсегда. С этим тесно связана и другая проблема: качественный законопроект, который отражает потребности общества и изменяет его жизнь, не может быть подготовлен за пару дней. Новые законы, посвященные борьбе с коронавирусом, были приняты за неделю, причем голосование в трех чтениях в Государственной Думе и голосование в Совете Федерации прошли за один день – 31 марта. Насколько вероятно, что в законе, принятом в такой спешке, обнаружатся некоторые недостатки? В этом еще одна цель чрезвычайного положения – исполнительная власть временно приобретает дополнительные полномочия, но это не сдвигает основной баланс сил в государственной системе. Попытки изменить работу государства на ходу напоминают попытки водителя починить двигатель, не останавливая движения автомобиля: возможно, что-то получится, но что именно, утверждать заранее трудно. Чрезвычайное положение – это способ затормозить, чтобы после спокойно разобраться с двигателем, но у нашей страны свой путь. Заложница «стабильности» Россия, как обычно в последние два десятка лет, выбрала своей реакцией на происходящие *чрезвычайные* события модель изменения *постоянного* порядка. Спустя месяцы, в самом худшем случае – годы, чрезвычайное положение в Европе прекратится. Чрезвычайная стабильность в России останется.

Высечь коронавирус плетьюми

Чтобы развеять невеселые мысли о судьбе Родины, обратимся от сравнения с демократическими странами к сравнению с деспотиями: в конце концов, реакция России действительно адекватна, хотя отсутствие ее правового оформления грозит в будущем серьезными проблемами. При этом есть страны, где чрезвычайное положение отрицают не только формально, но и содержательно.

В «Истории» Геродота рассказывается о том, как персидский царь Ксеркс, разгневанный тем, что морская буря разрушила его мост через Дарданеллы, велел палачам высечь море плетьюми. Примерно так реагируют на COVID-19 и некоторые постсоветские деспоты: президент

Беларуси советует лечиться от коронавирусной инфекции трактором и полем (при этом государственная статистика уже насчитывает нескольких умерших от COVID-19, а местные медиа из-за недоверия к официальным данным публикуют подборки твитов от практикующих врачей). Официальная политика Туркменистана заключается в отрицании случаев заражения внутри страны, а использование самого слова «коронавирус» ограничено.

Как и было обещано в начале статьи, коронавирусная пандемия показала нам, как реакция на нее соотносится с типом политического режима: если демократические режимы вводят временное чрезвычайное положение, чтобы бороться с коронавирусом, то тяготеющие к единоличному правлению гибридные режимы пытаются применять чрезвычайные меры, изменяя постоянные правила жизни. Наконец, как и две с половиной тысячи лет назад, деспотические режимы пытаются высечь море плетьюми, думая, что политическая власть выше природы.

Политическая философия

Чрезвычайное положение

Карл Шмитт

Суверенитет

COVID-19

Владимир Коршаков

Follow

философия

Follow

Также по теме

Гибридные войны в постгероическую эпоху. Почему, осудив войну, мы не получили мир во всем мире?

Безусловный доход и судьба либерализма. Чем страшны даровые деньги и почему на них не построишь новое общество

Что такое коллективная ответственность?